

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ

<https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-2-19>

УДК 339.92

JEL F13

И. А. Коргун

Институт экономики РАН, Москва Российская Федерация

УЧАСТИЕ ВЬЕТНАМА В ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧКАХ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В УСЛОВИЯХ ИХ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ¹

Аннотация. Под воздействием пандемии COVID-19 и противостояния между США и Китаем происходит трансформация глобальных цепочек добавленной стоимости. Многонациональные компании выбирают стратегию Китай + 1 и стремятся диверсифицировать производство, сократив присутствие в Китае. В результате усиливается роль Вьетнама и других стран Юго-Восточной Азии. Целью данного исследования является выявление положения Вьетнама в цепочках добавленной стоимости через призму его торгово-инвестиционных связей с Республикой Корея, гипотезой – предположение о том, что Республика Корея как крупнейший инвестиционный и торговый партнер Вьетнама обеспечивает значительную часть добавленной стоимости вьетнамского экспорта и тем самым способствует его интеграции в цепочки добавленной стоимости. Исследование опирается на формулы оценки участия стран в цепочках добавленной стоимости с использованием статистических данных международной базы о торговле добавленной стоимостью TiVA, данных о торговле ЮНКТАД и данных корейской национальной статистики об инвестициях. Для подкрепления тезиса о влиянии Республики Корея на экспорт Вьетнама задействован регрессионный анализ. Проведенное исследование позволило подтвердить растущую роль Вьетнама в цепочках добавленной стоимости. После 2016 г. под воздействием корейских прямых иностранных инвестиций происходила диверсификация его участия в отраслевых цепочках добавленной стоимости. Таким образом, Республика Корея играет важную роль в развитии производственных возможностей Вьетнама. Сформировавшаяся связь между двумя экономиками указывает на перераспределение промышленного капитала в Восточной Азии, что способствует регионализации цепочек добавленной стоимости. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего анализа феномена цепочек добавленной стоимости, а также процесса экономического развития и экономической трансформации в регионе Восточной Азии, реконфигурации экономического баланса сил вследствие роста экономической конкуренции между странами Восточной Азии.

Ключевые слова: цепочки добавленной стоимости, внутрирегиональное сотрудничество, международная торговля, инвестиции, экспорт, электронная промышленность, Вьетнам, Республика Корея, Восточная Азия

Для цитирования: Коргун И. А. (2023). Участие Вьетнама в глобальных цепочках добавленной стоимости в условиях их регионализации. *Экономика региона*, 19(2), 548-559. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-2-19>

¹ © Коргун И.А. Текст. 2023.

Participation of Vietnam in Global Value Chains in the Context of Their Regionalisation

Abstract. The COVID-19 pandemic and US-China confrontation caused a reconfiguration of global value chains. Since multinational companies choose the China Plus One strategy and seek to diversify their production, Southeast Asian economies and particularly Vietnam have been gaining importance. The present paper aims to analyse the participation of Vietnam in global value chains in terms of its relations with the Republic of Korea. It is hypothesised that as a major trade and investment partner, Korea provides significant value added of Vietnamese exports, contributing to the integration of Vietnam into value chains. Using formulas for assessing a country's participation in global value chains, the study examined statistics from the international Trade in Value Added (TiVA) database, UNCTAD trade data, and national investment statistics of Korea. Regression analysis was performed to confirm the influence of Korea on Vietnamese exports. The conducted research revealed the growing importance of Vietnam in global value chains. Since 2016, Korean foreign direct investment has been affecting the diversification of Vietnam's participation in industry value chains, demonstrating the importance of Korea in the development of national manufacturing capabilities. The emerging relationship between these two economies indicates a redistribution of industrial capital in East Asia that contributes to the regionalisation of value chains. The obtained findings can be used for further analysis of global value chains, as well as for studying economic development and transformations, shifts in the balance of economic power due to increasing competition between East Asian countries.

Keywords: value chains, intra-regional cooperation, international trade, investment, export, electronic industry, Vietnam, Republic of Korea, East Asia

For citation: Korgun, I. A. (2023). Participation of Vietnam in Global Value Chains in the Context of Their Regionalisation. *Ekonomika regiona / Economy of regions*, 19(2), 548-559. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-2-19>

Введение

Пандемия COVID-19 стала причиной многочисленных трансформаций в мировой экономике, одна из которых связана с регионализацией цепочек добавленной стоимости (ЦДС) (Miroudot, 2020). Регионализация вызвана несколькими факторами, среди которых можно отметить противостояние США и Китая. Нарастающий конфликт заставляет многонациональные корпорации (МНК) следовать стратегии Китай + 1 и сокращать свое производство в Китае для нужд развитых рынков, переводя заводы в другие страны Азии. Также следует отметить участвовавшие случаи протекционизма. По мнению некоторых исследователей, пандемия COVID-19 усугубила антиглобалистские тенденции, запущенные мировым финансовым кризисом в 2008 г. (James, 2018). Участвовавшие в результате этого эпизоды торгового протекционизма негативно воздействуют на свободную торговлю товарами и операции глобального бизнеса (Evenett, 2019), ставя под удар стабильное функционирование ЦДС.

МНК вынуждены искать пути адаптации к новым реалиям, вызванным «пандемическим шоком» (Хейфец, 2021) и нарастающей

конфронтацией между США и Китаем (Lake, 2018), и уделять больше внимания вопросам стабильности трансграничных поставок, их диверсификации. В числе предпринимаемых мер — наращивание инвестиций в производственные кластеры за пределами Китая, главным образом на территории стран Юго-Восточной Азии¹. Среди последних Вьетнам все больше обращает на себя внимание в силу дешевой рабочей силы и благоприятного инвестиционного климата (Tran & Hoang, 2019; Hanh et al. 2017; Lake, 2018).

Цель данного исследования — изучение особенностей участия Вьетнама в глобальных ЦДС, анализ которых проводится через призму его торгово-инвестиционных связей с Республикой Корея. В статье раскрывается, как сотрудничество с Республикой Корея способствовало росту экспорта Вьетнама, развитию его производственных возможностей и расширению участия в ЦДС.

¹ Lee K. (2021). China's Loss Can Be Southeast Asia's Gain. Project Syndicate. <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-loss-of-production-can-be-gain-for-southeast-asia-by-keun-lee-2021-10> (дата обращения: 20.10.2021).

При всей первоначально кажущейся узости исследуемой проблематики она имеет значимость для внутрирегиональной и межрегиональной динамики. Республика Корея занимает важное место в глобальных и региональных цепочках добавленной стоимости. Нормальное функционирование отраслевых цепочек, особенно в сфере информационных технологий (ИТ), невозможно без участия корейских компаний. В условиях цифровизации экономик в соответствии с потребностями четвертой промышленной революции данная роль Республики Корея, а вместе с ней и Вьетнама, как поставщиков компонентов для различных отраслей промышленности особенно важна. В статье отмечается, что наблюдаемые процессы релокации производств на территорию Вьетнама как альтернативы Китаю будут иметь долгосрочные последствия как для самого Вьетнама, так и для регионов Восточной и Юго-Восточной Азии.

Информационной основой исследования послужили база данных о торговле добавленной стоимостью ОЭСР (OECD TiVA Database), статистические данные ЮНКТАД о торговле товарами (UNCTAD Stat), данные корейской национальной статистики об инвестициях корейского бизнеса во Вьетнам (Korea Export-Import Bank).

Участие в глобальных цепочках добавленной стоимости: определения, факторы становления и метод оценки

Глобальные цепочки добавленной стоимости, или глобальные производственные системы (Коваль & Навроцкая, 2020, с. 141–142) являются результатом фрагментации производственного процесса на многочисленные стадии, географически распределенные между различными юрисдикциями с учетом принципов оптимизации производства и экономии на издержках. Подобная фрагментация производственных процессов, происходящая на протяжении последних трех десятилетий и особенно ускорившаяся в конце 1990-х гг., позволила отдельным развивающимся экономикам интегрироваться в мировое хозяйство. Наиболее яркими примерами этого являются Тайвань, Гонконг, Республика Корея, а в 2000-е гг. Китай.

Активное включение в глобальные цепочки добавленной стоимости предоставило развивающимся экономикам доступ на новые рынки сбыта, к источникам инвестиций, передовых знаний и технологий. В результате страны смогли провести апгрейд (улучшение позиций

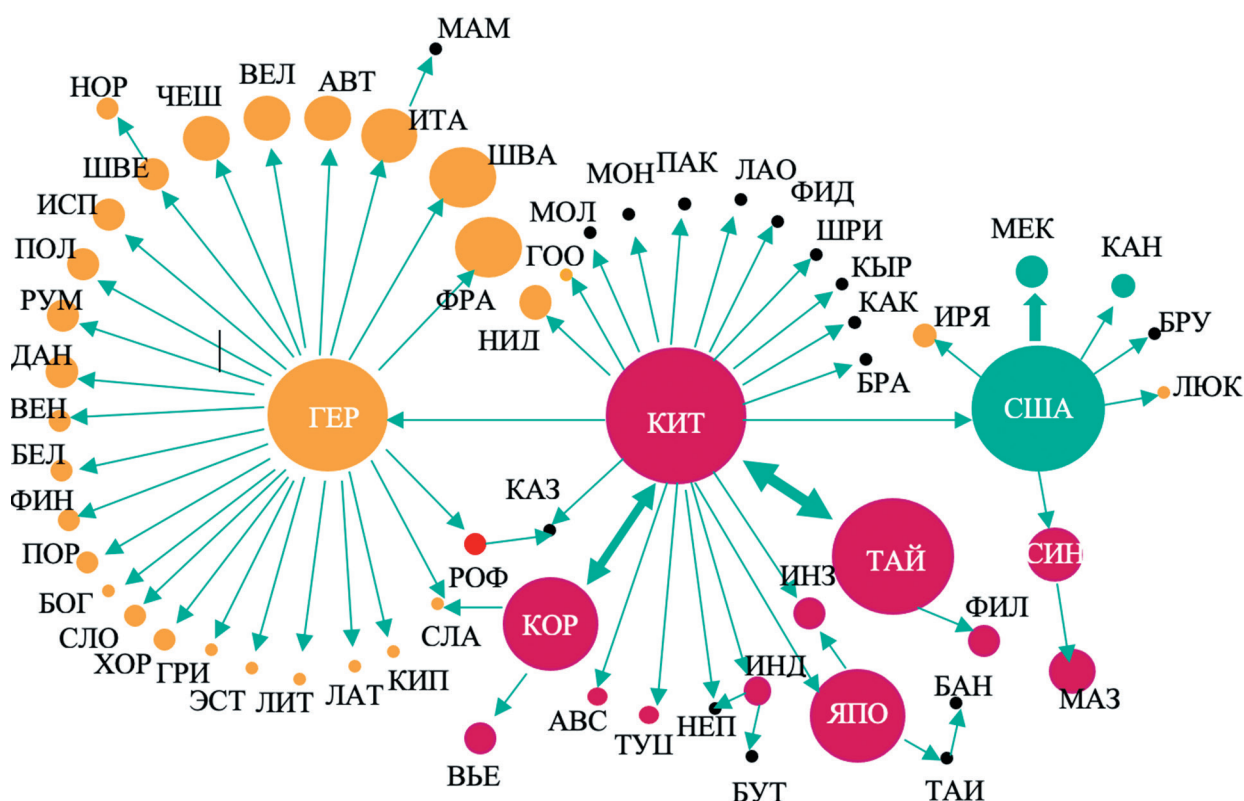
в процессе производства добавленной стоимости) (Кондратьев, 2019), стимулировать экспорт, экономический рост, а в некоторых случаях — добиться технологического прогресса.

Сегодня Вьетнам становится активным участником ЦДС. Встраивание Вьетнама в ЦДС стало возможным благодаря усилению экономических позиций таких восточноазиатских стран, как Республика Корея, Япония, Китай, которые превратились в участников процесса фрагментации мирового производства (Hillberry, 2011; Кондратьев и др., 2020) посредством деятельности своих МНК (Kersan-Škabić, 2019). Данная тенденция отражена на рисунке 1. На рисунке показано, что к 2017 г. вокруг Республики Корея и Японии сформировались цепочки добавленной стоимости с участием Вьетнама и других стран ЮВА в секторе информационно-коммуникационных технологий (рис. 1). Это является прямым свидетельством происходящей регионализации ЦДС (Baldwin, 2014).

Возможности для более широкого участия восточноазиатских фирм в ЦДС были предоставлены региональными интеграционными соглашениями о зонах свободной торговли и двусторонних соглашениях об инвестициях в Восточной Азии. Данные соглашения позволили снизить торговые и инвестиционные издержки и риски и повысить инвестиционную привлекательность региональных рынков для бизнеса (Amador & Cabral, 2016).

Нельзя оставить в стороне роль технологического прогресса в формировании ЦДС. Характер некоторых технологий, прежде всего информационных, как нельзя лучше соответствует производству в рамках ЦДС. Возможности практически неограниченной фрагментации стадий производства электроники выступили драйвером развития глобальных ЦДС (Blinder, 2006; Amiti & Wei, 2005; Abramovsky & Griffith, 2006). Также технологический прогресс позволил упростить процедуры торговли, таможенный учет (что крайне необходимо при многократном пересечении границ товарами в процессе производства) и снизить транспортные издержки.

Научное изучение феномена ЦДС включает в себя измерение глобальных ЦДС статистическими методами. Одно из них проводили Р. Болдуин и Х. Лопес-Гонсалес (Baldwin & Lopez-Gonzalez, 2015). Полученные авторами результаты позволили выделить такие специфические особенности ЦДС, как импорт с целью производства (*importing-to-produce*, или *I2P*), импорт с целью экспорта (*importing to export*,

Рис. 1. Связи между странами в глобальных цепочках добавленной стоимости (сектор ИКТ, товары) (источник: Xin Li, Bo Meng, Zhi Wang (2019). Recent patterns of global production and GVC participation, см. WTO (2019). Global Value Chain Development Report 2019. <https://documents1.worldbank.org/curated/en/384161555079173489/pdf/Global-Value-Chain-Development-Report-2019-Technological-Innovation-Supply-Chain-Trade-and-Workers-in-a-Globalized-World.pdf> (дата обращения: 13.07.2021)) (Примечание. Коды стран даны в соответствии с ГОСТ 7.67 «Коды названий стран»)

Fig. 1. Links between countries in global value chains (ICT sector, goods)

или *I2E*) и торговлю добавленной стоимостью как таковую (*value added trade* — *VAT*). Это способствовало усовершенствованию международной статистической отчетности и публикации данных по торговле добавленной стоимостью.

Обзор этапов развития глобальных ЦДС и формирования данной концепции дан в работе (Gereffi, Fernandez-Stark, 2011). Глубокий анализ влияния глобальных ЦДС на процесс экономического развития стран проводили (Taglioni & Winkler, 2016, Timmer et al., 2014). Полученные ими выводы дополнили результаты исследования (Hernández & Pedersen, 2017), которые изучили географические конфигурации глобальных ЦДС и их потенциальное значение для торговой политики.

Методику измерения участия стран в цепочках добавленной стоимости разрабатывал ряд ученых (Koopman et al., 2014; Johnson & Noguera, 2012; Stehrer, 2012; Los et al., 2015). Понимание участия страны в глобальных цепочках добавленной стоимости чрезвычайно важно, так как оно дает представление о том, какое место страна занимает в мировой экономике в качестве производителя товаров и услуг и насколько глубоко она вовлечена в мировую торговлю.

Исследование (Koopman et al., 2014) предлагает выделять два типа участия в глобальных ЦДС: обратное / нисходящее (*backward, downstream*) и прямое / восходящее (*forward, upstream*). Данное деление было закреплено в методологических указаниях по оценке положения отдельных стран в глобальных ЦДС международных организаций — ВТО и ОЭСР. Обратное и прямое участие в глобальных ЦДС рассчитываются по следующим формулам:

$$\text{Обратное участие в ЦДС} = DVA/EXP, \quad (1)$$

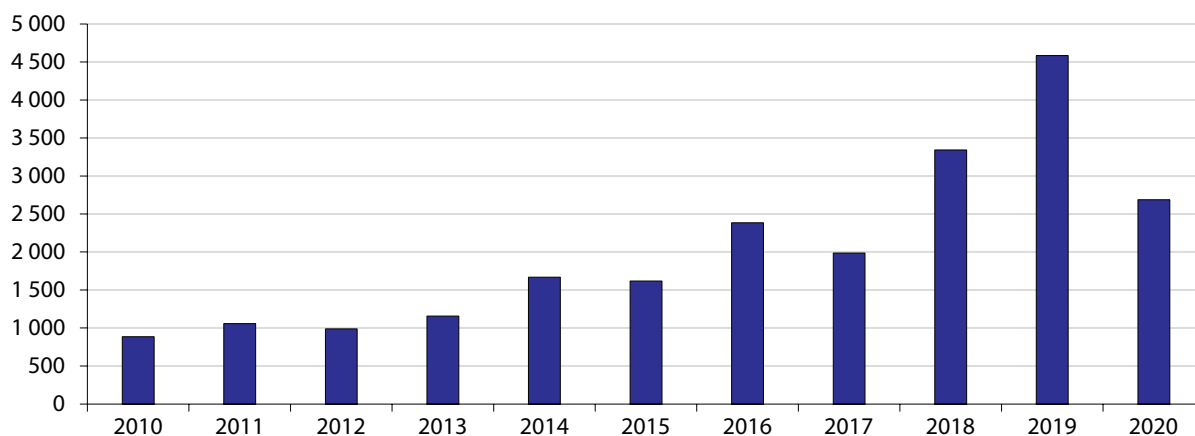
$$\text{Прямое участие в ЦДС} = FVA/EXP, \quad (2)$$

где *FVA* — доля иностранной добавленной стоимости в экспорте страны; *DVA* — доля добавленной стоимости, произведенной внутри страны, в экспорте данной страны; *EXP* — экспорт страны.

Как правило, участие в ЦДС измеряется в процентах.

ОЭСР дает следующее определение типам участия в глобальных ЦДС: обратное / нисходящее представляет собой долю добавленной стоимости, произведенной за рубежом / иностранными государствами, в валовом экспорте страны. Чаще всего она проявляется в форме

Рис. 2. Динамика корейских инвестиций во Вьетнам 2010–2020 гг. (млн долл. США) (источник: составлено автором по данным Экспортно-импортного банка Кореи)

Fig. 2. Dynamics of Korean investments in Vietnam, 2010–2020 (million USD)

промежуточных компонентов или услуг. Прямое (или восходящее) участие связано с долей добавленной стоимости, произведенной страной, в валовом экспорте данной страны. Таким образом, показатель прямого участия отражает произведенную страной добавленную стоимость в товарах (конечных или промежуточных), поставляемых на зарубежные рынки. Эти определения были взяты за основу анализа в настоящей работе.

Основные тенденции торгового и инвестиционного сотрудничества между Вьетнамом и Республикой Корея в 2010-е гг.

За период 1992–2017 гг. корейские компании в совокупности вложили во Вьетнам 50,7 млрд долл. США. Для сравнения — Япония, которая на протяжении ряда лет является крупнейшим экспортером капитала в Восточной Азии, вложила во Вьетнам 42,1 млрд долл. США за аналогичный период.

Обострение китайско-американских отношений с приходом к власти в США администрации Д. Трампа в 2016 г. способствовало расширению инвестиционной активности корейского бизнеса во Вьетнаме (рис 2). Так, в 2016 г. годовой объем корейских ПИИ во Вьетнам возрос на 47 % по сравнению с уровнем 2015 г. до 2,3 млрд долларов США. После небольшого сокращения в 2017 г. корейские компании вновь нарастили объемы инвестиций до 3,3 и 4,6 млрд долл. США в 2018 г. и 2019 г., соответственно. Безусловно, пандемия COVID-19 негативно сказалась на динамике корейских инвестиций во Вьетнам, которые по итогам 2020 г. составили 2,7 млрд долл. США, что немногим выше уровня 2015 г. Однако представители Корейской торгово-промышленной па-

латы во Вьетнаме полагают, что с оживлением экономического роста экспансия корейского бизнеса во Вьетнаме продолжится.¹

Корейские инвестиционные проекты во Вьетнаме реализуются преимущественно в обрабатывающей промышленности, на которую приходится свыше 70 % совокупных вложений. Распределение потоков капитала между отраслями обрабатывающей промышленности выглядит следующим образом: до 2017 г. 20–23 % вложений стабильно приходилось на легкую промышленность (преимущественно производство изделий из хлопка, пошив одежды, пошив обуви и сумок). После 2017 г. доля данных производств несколько снизилась за счет активизации инвестиций в других сферах — электронной и нефтехимической. Наблюдается активизация корейского капитала в сфере услуг — финансовом и страховом секторах.² Также корейские компании осваивают сектор возобновляемых источников энергии в кооперации с вьетнамскими партнерами.

С точки зрения включения Вьетнама в цепочки добавленной стоимости корейские инвестиции в производство электроники — компьютеров, звуковой и видеоаппаратуры — имеют наибольшее значение. С 2014 г. по 2019 г. на данный сектор приходилось 22–25 % текущих инвестиций.

При всей значимости напряженной геополитической обстановки и ковидных локдаунов в Китае на решения корейского бизнеса о переносе производств во Вьетнам повлияли также

¹ Anh, Ph. (2021). South Korean investors remain upbeat on Vietnam potentials. <https://e.vnexpress.net/news/business/economy/south-korean-investors-remain-upbeat-on-vietnam-potentials-4236328.html> (дата обращения: 14.08.2021).

² Korea Export-Import Bank. <https://www.koreaexim.go.kr/site/main/index001> (дата обращения: 29.06.2021).

экономические причины. Производственные издержки в Китае возрастают и для бизнеса, ориентированного на экспорт продукции из Китая, становится менее выгодно базироваться здесь. Например, в 2016 г. средняя почасовая заработная плата рабочего в промышленном секторе во Вьетнаме составляла 2,38 долл. США, тогда как в Китае 4,99 долл. США¹. Кроме того, заработная плата в Китае увеличивается более быстрыми темпами, чем во Вьетнаме. К 2020 г. средняя почасовая заработная плата рабочего во Вьетнаме выросла до 2,99 долл. США, тогда как в Китае до 6,5 долл. США.

Определенное воздействие на решения корейских компаний о расширении бизнеса во Вьетнаме могли оказать опасения о копировании технологий китайскими производителями. Кроме того, следует заметить, что формирование потребительского спроса на корейскую продукцию на фоне экономического роста во Вьетнаме. По данным различных опросов, проведенных корейскими службами, все большее число корейских компаний рассматривают перспективу инвестирования во Вьетнам с целью производства для экспорта и для потребления вьетнамским внутренним рынком².

Наконец, в дополнение к уже отмеченным причинам следует упомянуть, что льготный режим для инвестирования и максимально открытая торговая политика правительства Вьетнама, выражающаяся в активном заключении соглашений о зонах свободной торговли, специально созданная инфраструктура в виде различных промышленных парков и СЭЗ привлекают корейский бизнес. Подписание в ноябре 2020 г. И последующая ратификация Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) только повысила привлекательность Вьетнама в качестве объекта для инвестиций в глазах корейского бизнеса. ВРЭП значительно упростит торговые процедуры, снизит нетарифные барьеры, что положительно скажется на скорости перемещения товаров между странами участниками, а также на стоимости компонентов и конечной продукции.

¹ IHS Markit Technology. <https://ihsmarkit.com/index.html>; Цит по : Carbone, J. (2017). Vietnam Becomes an Option for Low-Cost Electronics Manufacturing. Source Today, April 17. <https://www.sourcetoday.com/supply-chain/article/21866768/vietnam-becomes-an-option-for-lowcost-electronics-manufacturing> (дата обращения: 02.08.2021).

² Jung, M. H. (2021). South Korean Companies in Vietnam Advised to Assess Risks. Business Korea. <http://www.businesskorea.co.kr/news/articleView.html?idxno=67124> (дата обращения: 05.09.2021).

Параллельно с ростом корейских инвестиций происходило увеличение объема взаимной торговли между странами. За период 2010–2019 гг. двусторонний торговый оборот вырос с 13 млрд долл. США до 69 млрд долл. США. Наибольшее увеличение пришлось на корейский экспорт во Вьетнам, который вырос с 9,6 млрд долл. США до 48,2 млрд долл. США. Опережающее увеличение экспорта было связано с тем, что на начальной фазе инвестиционных проектов многие материалы и компоненты должны были завозиться из Республики Корея. Также сыграло роль то, что корейские компании рассматривают Вьетнам с точки зрения экспортного производства в третьи страны и экспорт готовой продукции вьетнамских подразделений на корейский рынок для них не является приоритетом.

Развитие торгово-инвестиционных связей повысило значимость Вьетнама в отношениях Республики Корея со странами АСЕАН. Это нашло отражение в данных торговой статистики (рис. 3). Так, рост корейско-вьетнамской торговли по темпам опережал рост торговли Республики Корея с АСЕАН в целом. В результате на Вьетнам стала приходиться половина корейского экспорта в АСЕАН (48 млрд долл. США в 2019 г., экспорт в АСЕАН 95 млрд долл. США), хотя в 2010 г. на Вьетнам приходилось только 18 % экспорта.

Схожая тенденция наблюдается и в импорте: доля Вьетнама в корейском импорте выросла с 7,5 % в 2010 г. до 37,5 % в 2019 г. (рис. 3). Пандемия мало сказалась на корейско-вьетнамской торговле, экспорт и импорт в 2020 г. остались на уровне 2019 г.

Рассмотрим, как сотрудничество с Республикой Корея отражается на участии Вьетнама в глобальных цепочках добавленной стоимости.

Участие Вьетнама в глобальных цепочках добавленной стоимости и роль Республики Корея

За основу анализа в данной части исследования были взяты статистические данные из базы ОЭСР о торговле добавленной стоимостью TiVA (Trade in Value Added)³. Ввиду трудоемкости выделения добавленной стоимости данные сильно отстают от классической торговой статистики. Последний год, за который представлены расчеты в TiVA, — 2015 г.

³ TiVA database. https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2018_C1 (дата обращения: 25.07.2021).

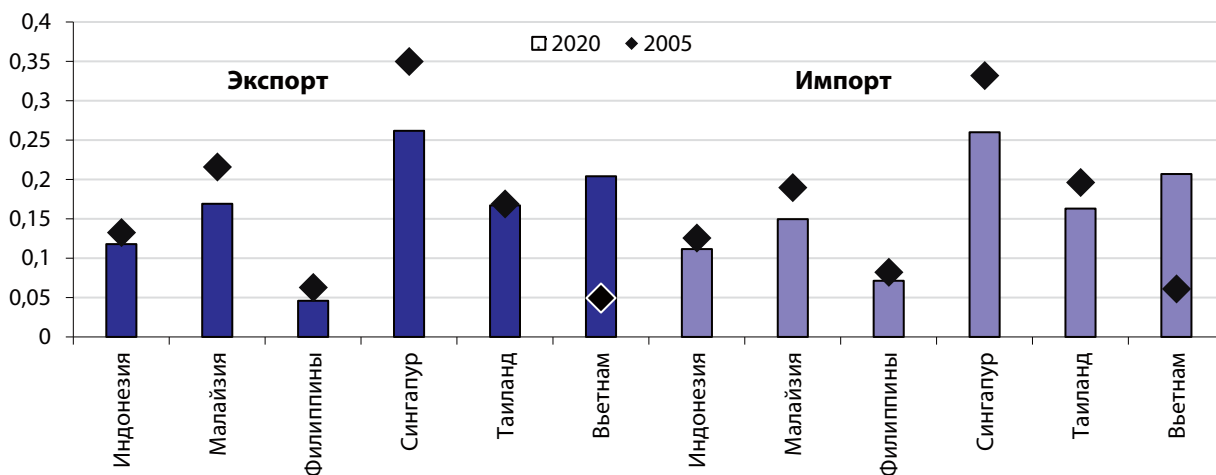

Рис. 3. Доля Вьетнама в торговле Республики Корея с АСЕАН в 2005 и 2020 г. (источник: составлено автором по данным ЮНКТАД, см. UNCTAD database <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (дата обращения: 27.07. 2021))

Fig. 3. The share of Vietnam in Korea's trade with ASEAN, 2005 and 2020

Анализ данных в TiVA позволил установить, что за период 2005–2015 гг. нисходящее (или обратное) участие Вьетнама в глобальных ЦДС возросло с 36,1 % до 40,5 %, тогда как прямое сократилось с 63,9 % до 59,5 %. Эти показатели и их соотношение говорят том, что Вьетнам стал использовать больше иностранных компонентов в производственном процессе, что отражается через обратное участие в ЦДС. Детализация по отдельным отраслям промышленности показывает, что наибольшее увеличение доли иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте (основного компонента при расчете показателя обратного участия в ЦДС) среди отраслей обрабатывающей промышленности имело место в производстве компьютеров и электроники. За 2005–2015 гг. она возросла с 47,2 % до 61,3 % (рис. 4).

Также важно обратить внимание на сектор услуг. Специфика производства в условиях гло-

бальных цепочек стоимости заключается в том, что сектор услуг играет в этом процессе важную роль; многие страны могут принимать участие в форме предоставления услуг финансового, информационного, логистического и иного характера. Так, в глобальных ЦДС зависимость Вьетнама от иностранных услуг за указанный период времени сильно выросла. Доля иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте информационных и коммуникационных услуг, финансовых и страховых услуг, прочих деловых услуг возросла с 29,4 % до 35,7 %, 14,5 % до 20,4 %, 19 % до 25,2 %, соответственно (рис. 4). Несмотря на то, что Вьетнам не входит в число крупных экспортеров отмеченных видов услуг, рост иностранного компонента указывает на интернационализацию сектора услуг страны, что само по себе является важной составляющей процесса встраивания в глобальные ЦДС.

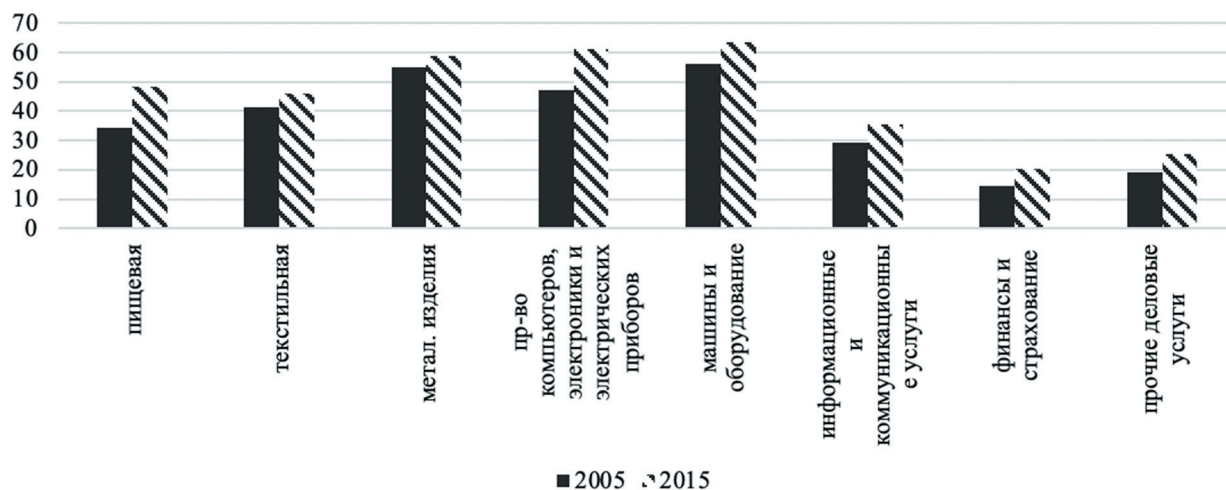
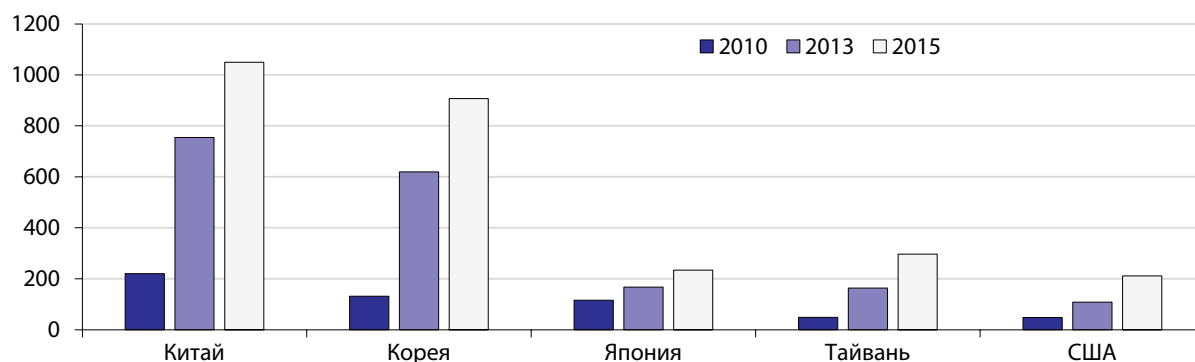

Рис. 4. Доля иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте Вьетнама (источник: составлено автором по TiVA. TiVA database https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TiVA_2018_C1 (дата обращения: 25.07.2021))

Fig. 4. Share of foreign value added in Vietnamese gross exports

Рис. 5. Источник добавленной стоимости (ДС) в валовом экспорте Вьетнама, млн долл. США, отдельные годы; экспортирующая отрасль: производство электроники, отрасль — источник ДС: производство электроники (источник: составлено автором на основании данных TiVA. TiVA database. https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=TIVA_2018_C1 (дата обращения: 25.07.2021))

Fig. 5. Source of value added (VA) in Vietnamese gross exports, million USD, selected years; exporting industry: electronics manufacturing, source of VA: electronics manufacturing

База данных TiVA позволяет провести анализ того, какие отрасли иностранных государств являются источником иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте Вьетнама и выделить роль Республики Корея. Так, рассматривая обрабатывающую промышленность в целом с точки зрения страны происхождения добавленной стоимости, произведенной обрабатывающей промышленностью данной страны, следует отметить, что после Китая Республика Корея стоит на втором месте по абсолютным размерам добавленной стоимости во вьетнамском валовом экспорте. При этом Республика Корея опережает другие экономики — источники добавленной стоимости во вьетнамском экспорте — Японию, Тайбэй, ЕС и США. Схожая тенденция прослеживается и в двух наиболее значимых категориях вьетнамского экспорта: текстиль и электроника. В структуре добавленной стоимости экспорта текстильной и электронной промышленности Республики Корея находится на втором месте после Китая по абсолютным размерам добавленной стоимости, произведенной данными отраслями.

Роль Республики Корея во вьетнамском экспорте становится еще более очевидной, если дезагрегировать данные об источниках добавленной стоимости не только по стране, но и по отраслям. Такая операция позволяет понять, какая отрасль и из какой страны делает наибольший вклад в добавленную стоимость экспорта Вьетнама. Дезагрегирование применительно к электронной промышленности по параметру вклада электронной промышленностью других стран позволило установить еще большую роль Республики Корея в сравнении с другими странами (рис. 5). При этом окажется, что Республика Корея зна-

чительно опережает Японию в части доли добавленной стоимости в электронной промышленности. Приведенные данные позволяют сделать вывод, что поставки корейских компонентов чрезвычайно важны для производства Вьетнамом электронной продукции и участия в глобальных ЦДС.

Подтверждение роли Республики Корея во вьетнамском экспорте обнаруживается в ходе регрессионного анализа. Для установления влияния корейских инвестиций на объем вьетнамского экспорта с помощью уравнения регрессии были использованы данные ЮНКТАД об объемах экспорта Вьетнама и данные о корейских инвестициях во Вьетнам Экспортно-импортного банка Кореи за период 2010–2020 гг. Также были включены показатели ежегодного прироста мировой экономики, которые отражают спрос на экспортируемую продукцию, за аналогичный период.

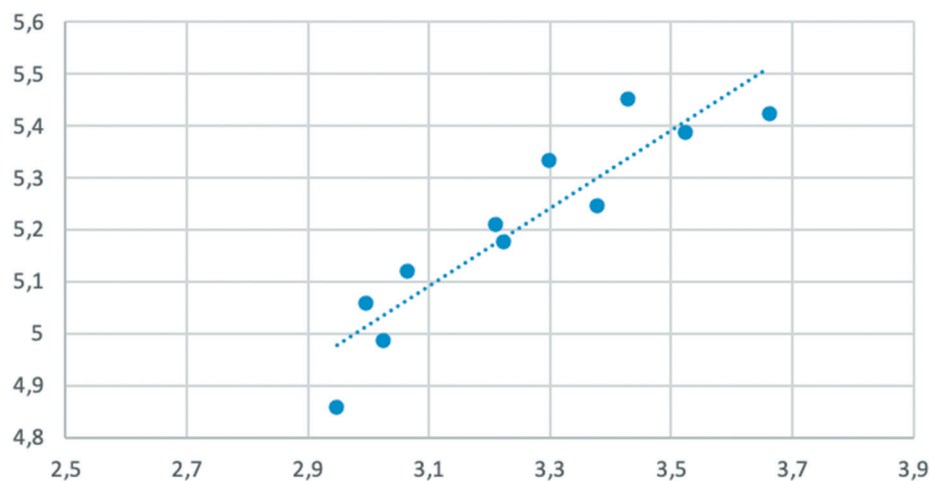
Уравнение регрессии имело вид:

$$y(\log_{10\_Exp}) = a + x_1(Inv\_k) + x_2(growth\_w),$$

где $y(\log_{10\_Exp})$ — экспорт Вьетнама, подвергнутый логарифмической трансформации для нормализации распределения; $x_1(Inv\_k)$ — ПИИ из Республики Корея во Вьетнам; $x_2(growth\_w)$ — темпы прироста мировой экономики.

Несмотря на небольшой объем анализируемых данных, результаты позволяют получить представление об общем направлении воздействия корейских инвестиций. Графические результаты анализа представлены на рисунке 6. Данные, представленные на рисунке, указывают на существование прямой связи между корейским капиталом и наращиванием экспорта Вьетнамом в 2010–2020-е гг., тем самым подтверждая роль Республики Корея во вклю-

Рис. 6. Влияние корейских ПИИ на объем экспорта Вьетнама в 2010–2020-е гг. (источник: составлено автором)
Fig. 6. Impact of Korean FDI on Vietnamese exports, 2010–2020s

чений страны в цепочки добавленной стоимости. При этом темпы прироста мировой экономики оказали меньшее воздействие. То есть экономическая динамика в Азии имеет большее значение для торговли отдельных стран, нежели состояние мировой экономики.

Согласно исследованию ЮНИДО, присутствие корейских электронных фирм, и в особенности компании Самсунг, сыграло исключительно важную роль в трансформации производственных возможностей Вьетнама. Открытие заводов Самсунг способствовало росту занятости среди разных категорий работников: низкой и средней квалификации, а после 2016 г. и в сфере менеджеров среднего звена. Таким образом, постепенно Самсунг способствовал формированию специалистов и управленческих кадров. По состоянию на конец 2017 г. на трех заводах Самсунг во Вьетнаме было занято 109 000 чел., что делало его крупнейшим иностранным работодателем в стране.¹ Также специалисты ЮНИДО отмечают, что Самсунг в силу его статуса глобальной корпорации стал катализатором притока ПИИ во вьетнамскую экономику, так как его проекты привлекли внимание других ТНК.

Дискуссия

Проведенный анализ торгово-инвестиционных отношений Вьетнама с Республикой Корея позволил установить, что корейский капитал способствует структурным изменениям в экономике Вьетнама посредством развития его экспортных возможностей и меняет поло-

жение страны в глобальных ЦДС. Дальнейшее усиление роли Вьетнама как производственной площадки для МНК способно привести к серьезным изменениям во внутрирегиональной динамике и повлиять на мировую экономику. Рассмотрим некоторые аспекты данных изменений.

Прямое следствие включения Вьетнама в глобальные цепочки начисления стоимости приведет как минимум к изменению географической структуры торговых партнеров для многих стран. Уже сегодня можно наблюдать этот процесс на примере России. Если ранее Республика Корея входила в число основных поставщиков электроники, то теперь ее место занимает Вьетнам. То же самое наблюдается в ЕС, где Вьетнам заменил Республику Корея в качестве поставщика электроники. Однако вьетнамский экспорт обеспечивается корейскими фирмами. Это является прямым следствием трансформации межрегиональных цепочек поставок, в ходе которой роль производственной базы оттягивает на себя Вьетнам.

Сохранение устойчивых темпов роста вьетнамской экономики будет способствовать росту доходов населения и постепенно превратит страну в значимого потребителя товаров и различных ресурсов, включая минеральные и энергетические. Данное обстоятельство будет влиять на спрос и предложение ресурсов.

Наконец, нельзя не отметить рост влияния на геополитическую расстановку сил в Азии — регионе, изобилующем территориальными спорами. В последние несколько лет Вьетнам прилагал усилия к увеличению своей роли в АСЕАН. В год его председательства в АСЕАН было подписано региональное мегасоглашение об интеграции ВРЭП. Экономические успехи страны обращают на себя внимание

¹ UNIDO (2019). Linking FDI and Local Firms For Global Value Chain Upgrading: Policy Lessons From Samsung Mobile Phone Production in Viet Nam. Inclusive and Sustainable Industrial Development Working paper series WP 5, P. 13-14. <https://www.unido.org/api/opentext/documents/download/15784588/unido-file-15784588> (дата обращения: 10.06.2021).

ООН, где Вьетнам второй раз за относительно короткий промежуток времени избирался в качестве непостоянного члена СБ ООН. Можно ожидать, что и в будущем Вьетнам будет вести еще более активную внешнеэкономическую и политическую деятельность и не исключено, что его дальнейшее укрепление экономического сотрудничества и, вероятно, как отмечает (Bekkevold, 2020), сотрудничества в области безопасности с США.

Однако усиление позиций Вьетнама не останется незамеченным. Весьма вероятно усиление внутрирегиональной конкуренции за влияние и прежде всего с Индонезией. На протяжении длительного времени Индонезия считалась 4-й экономикой региона и крупнейшей экономикой в АСЕАН, что обеспечивало ей возможность оказывать влияние на процессы в регионе. Экономический подъем Вьетнама может восприниматься в Джакарте как сужение пространства ее влияния.

Отмеченные последствия носят вероятностный характер, и их реализация будет зависеть от многих факторов, в том числе от того, сможет ли Вьетнам и дальше расширять свое участие в глобальных ЦДС. Для этого стране потребуется провести многочисленные изменения, чтобы повысить свою привлекательность для международного бизнеса — главного участника глобальных ЦДС. Также перед Вьетнамом встанет необходимость повышения технологической сложности выпускаемых изделий за счет собственных инноваций. Без инноваций Вьетнам рискует оказаться в ловушке «среднего уровня доходов», в которую попадают страны, полагающиеся исключительно на иностранный капитал и технологии в качестве драйверов роста. Участие в глобальных ЦДС открывает большие возможности для Вьетнама, но при этом сопряжено с рядом вывозов, которые ему необходимо преодолеть,

чтобы сохранять экономический динамизм как можно дольше.

Заключение

В данной статье было изучено участие Вьетнама в глобальных ЦДС и роль, которую в этом сыграла Республика Корея. Было установлено, что Республика Корея стоит на втором месте после Китая по абсолютным размерам вложенной во вьетнамский валовый экспорт добавленной стоимости. Особенно высокий показатель корейской добавленной стоимости был зафиксирован в электронной промышленности. На макроуровне корейские инвестиции выступили стимулирующим фактором роста вьетнамского экспорта на фоне замедления темпов роста мирового ВВП в период после финансового кризиса 2008–2009 гг. Полученные результаты имеют значение для определения направления возможной трансформации глобальных и региональных цепочек добавленной стоимости в ближайшие годы.

В ходе происходящей изменений, вызванных воздействием пандемии COVID-19, цифровизации и геополитического соперничества, экономический подъем Вьетнама в результате экспортоориентированной модели развития с участием в ЦДС может усилить позиции в целом стран Юго-Восточной Азии в мировой экономике. Параллельно с этим Вьетнам и страны ЮВА могут получить значительные выгоды, ассоциированные с данным типом роста. Однако возникает и ряд вопросов, ответов на которые пока нет: насколько Вьетнам и другие страны способны обеспечить переход к интенсивному типу роста, насколько гибко они смогут обходить линии конфликтов для реализации целей развития, наконец, как развитие Вьетнама отразится на внутрирегиональной экономической конкуренции. Ответы на них предстоит узнать в ближайшие годы.

Список источников

- Коваль, А. Г., Навроцкая, Н. А. (2020). Перспективы развития глобальных цепочек стоимости в КНР и РФ. В: *Торговая политика России и стран Восточной Азии: поиск путей для взаимовыгодного сотрудничества*. Москва: ИЭ РАН.
- Кондратьев В. (2019). Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное. *Мировая экономика и международные отношения*, 63(1), 49-58. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58>
- Кондратьев, В. Б., Попов, В. В., Кедрова, Г. В. (2020). Трансформация глобальных цепочек стоимости: опыт трех отраслей. *Мировая экономика и международные отношения*, 64(3), 68-79.
- Хейфец Б. А. (2021). Пандемический шок глобализации. В: Л. Б. Вардомский, И. А. Коргун (ред.), *Российско-вьетнамские отношения в современном мире* (с. 113-134). Москва: Институт экономики РАН.
- Abramovsky, L. & Griffith, R. (2006). Outsourcing and offshoring of business services: how important is ICT? *Journal of the European Economic Association*, 4(2-3), 594-601. DOI: 10.1162/jeea.2006.4.2-3.594
- Amador, J. & Cabral, S. (2016). Global value chains: a survey of drivers and measures. *Journal of Economics Surveys*, 30(2), 278-301. DOI: 10.1111/joes.12097
- Amiti, M., Wei, S.-J., Haskel, J. & Auriol, E. (2005). Fear of service outsourcing: is it justified? *Economic Policy*, 20(42), 308-347. DOI: 10.1111/j.1468-0327.2005.00140.x

- Baldwin, R. & Lopez-Gonzalez, J. (2015). Supply-chain trade: A portrait of global patterns and several testable hypotheses. *The World Economy*, 38(11), 1682–1721. DOI: 10.1111/twec.12189
- Baldwin, R. (2014). WTO 2.0: governance of global supply-chain trade. In: R. Baldwin, M. Kawai, G. Wignaraja (Eds.), *A World Trade Organization for the 21st Century* (pp. 12–47), Edward Elgar Publishing.
- Bekkevold, J. I. (2020). The International Politics of Economic Reforms in China, Vietnam, and Laos. In: A. Hansen, J. I. Bekkevold, K. Nordhaug (Eds.), *The Socialist Market Economy in Asia* (pp. 27–68). Singapore: Palgrave Macmillan. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-15-6248-8_2
- Blinder, A. S. (2006). Offshoring: The Next Industrial Revolution? *Foreign Affairs*, 85(2), 113–128. DOI: <https://doi.org/10.2307/20031915>
- Evenett, S. J. (2019). Protectionism, state discrimination, and international business since the onset of the Global Financial Crisis. *Journal of International Business Policy*, 2, 9–36. DOI: <https://doi.org/10.1057/s42214-019-00021-0>
- Gereffi, G. & Fernandez-Stark, K. (2011). *Global value chain analysis: A Primer*. Center on Globalization, Governance & Competitiveness (CGGC). North Carolina, USA: Duke University.
- Hanh, N. P., Van Hùng, D., Hoat, N. T. & Trang, D. T. T. (2017). Improving quality of foreign direct investment attraction in Vietnam. *International Journal of Quality Innovation*, 3, 7. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40887-017-0016-7>
- Hernández, V. & Pedersen, T. (2017). Global value chain configuration: A review and research agenda. *Business Research Quarterly*, 20(2), 137–150. DOI: 10.1016/j.brq.2016.11.001
- Hillberry, R. (2011). Causes of international production fragmentation: some evidence, Chapter 3. In: A. Sydor (Ed.), *Global value chains: Impacts and implications* (pp. 77–102). Canada: Department of Foreign Affairs and International Trade Canada (DFAIT).
- James, H. (2018). Deglobalization: The rise of disembedded unilateralism. *Annual Review of Financial Economics*, 10, 219–237. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-financial-110217-022625>
- Johnson, R. C. & Noguera, G. (2012). Accounting for Intermediates: Production Sharing and Trade in Value-Added. *Journal of International Economics* 86(2), 224–236. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2011.10.003>
- Kersan-Škabić, I. (2019). The drivers of global value chain (GVC) participation in EU member states. *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, 32(1), 1204–1218. DOI: 10.1080/1331677X.2019.1629978
- Koopman, R., Zhi, W. & Wei, S.-J. (2014). Tracing Value-added and Double Counting in Gross Exports. *The American Economic Review*, 104(2), 459–494. DOI: 10.1257/aer.104.2.459
- Lake, D. A. (2018). Economic Openness and Great Power Competition: Lessons for China and the United States. *Chinese Journal of International Politics*, 11(3), 237–270. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/poy010>
- Los, B., Timmer, M. & de Vries, G. (2015). How global are global value chains? A new approach to measure international fragmentation. *Journal of Regional Science*, 55(1), 66–92. DOI: <https://doi.org/10.1111/jors.12121>
- Miroudot, S. (2020). The Reorganization of Global Value Chains in East Asia before and after COVID-19. *East Asian Economic Review*, 24(4), 389–416. DOI: <https://dx.doi.org/10.11644/KIEP.EAER.2020.24.4.385>
- Stehrer, R. (2012). *Trade in Value Added and the Valued Added in Trade*. WIIW Working Papers 81, The Vienna Institute for International Economic Studies.
- Tagliani, D. & Winkler, D. (2016). *Making Global Value Chains Work for Development*. Washington: The World Bank Group.
- Timmer, M. P., Erumban, A. A., Los B., Stehrer, R. & de Vries, G. (2014). Slicing Up Global Value Chains. *Journal of Economic Perspectives*, 28(2), 99–118. DOI: 10.1257/jep.28.2.99
- Tran, H. T. T. & Hoang, H. T. (2019). An Investigation into the Impacts of FDI, Domestic Investment Capital, Human Resources, and Trained Workers on Economic Growth in Vietnam. In: V. Kreinovich, N. Thach, N. Trung, D. Van Thanh (Eds.), *Beyond Traditional Probabilistic Methods in Economics. ECONVN 2019* (pp. 940–951). Studies in Computational Intelligence, Springer, vol 809. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-04200-4_69

References

- Abramovsky, L. & Griffith, R. (2006). Outsourcing and offshoring of business services: how important is ICT? *Journal of the European Economic Association*, 4(2–3), 594–601. DOI: 10.1162/jeea.2006.4.2-3.594
- Amador, J. & Cabral, S. (2016). Global value chains: a survey of drivers and measures. *Journal of Economics Surveys*, 30(2), 278–301. DOI: 10.1111/joes.12097
- Amiti, M., Wei, S.-J., Haskel, J. & Auriol, E. (2005). Fear of service outsourcing: is it justified? *Economic Policy*, 20(42), 308–347. DOI: 10.1111/j.1468-0327.2005.00140.x
- Baldwin, R. & Lopez-Gonzalez, J. (2015). Supply-chain trade: A portrait of global patterns and several testable hypotheses. *The World Economy*, 38(11), 1682–1721. DOI: 10.1111/twec.12189
- Baldwin, R. (2014). WTO 2.0: governance of global supply-chain trade. In: R. Baldwin, M. Kawai, G. Wignaraja (Eds.), *A World Trade Organization for the 21st Century* (pp. 12–47), Edward Elgar Publishing.
- Bekkevold, J. I. (2020). The International Politics of Economic Reforms in China, Vietnam, and Laos. In: A. Hansen, J. I. Bekkevold, K. Nordhaug (Eds.), *The Socialist Market Economy in Asia* (pp. 27–68). Singapore: Palgrave Macmillan. DOI: https://doi.org/10.1007/978-981-15-6248-8_2
- Blinder, A. S. (2006). Offshoring: The Next Industrial Revolution? *Foreign Affairs*, 85(2), 113–128. DOI: <https://doi.org/10.2307/20031915>

- Evenett, S. J. (2019). Protectionism, state discrimination, and international business since the onset of the Global Financial Crisis. *Journal of International Business Policy*, 2, 9–36. DOI: <https://doi.org/10.1057/s42214-019-00021-0>
- Gereffi, G. & Fernandez-Stark, K. (2011). *Global value chain analysis: A Primer*. Center on Globalization, Governance & Competitiveness (CGGC). North Carolina, USA: Duke University.
- Hanh, N. P., Van Hùng, D., Hoat, N. T. & Trang, D. T. T. (2017). Improving quality of foreign direct investment attraction in Vietnam. *International Journal of Quality Innovation*, 3, 7. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40887-017-0016-7>
- Hernández, V. & Pedersen, T. (2017). Global value chain configuration: A review and research agenda. *Business Research Quarterly*, 20(2), 137–150. DOI: 10.1016/j.brq.2016.11.001
- Hillberry, R. (2011). Causes of international production fragmentation: some evidence, Chapter 3. In: A. Sydor (Ed.), *Global value chains: Impacts and implications* (pp. 77–102). Canada: Department of Foreign Affairs and International Trade Canada (DFAIT).
- James, H. (2018). Deglobalization: The rise of disembedded unilateralism. *Annual Review of Financial Economics*, 10, 219–237. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-financial-110217-022625>
- Johnson, R. C. & Noguera, G. (2012). Accounting for Intermediates: Production Sharing and Trade in Value-Added. *Journal of International Economics* 86(2), 224–236. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2011.10.003>
- Kersan-Škabić, I. (2019). The drivers of global value chain (GVC) participation in EU member states. *Economic Research-Ekonomska Istraživanja*, 32(1), 1204–1218. DOI: 10.1080/1331677X.2019.1629978
- Kheyfets, B. A. (2021). The Pandemic shock of globalisation. In: L. B. Vardomsky, I. A. Korgun (Eds.), *Rossiysko-vietnamskie otnosheniya v sovremennom mire [The Current State of Russian-Vietnamese Relations]* (pp. 113–134). M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
- Kondrat'ev V. (2019). Global Value Chains in Industries: Common and Specific Features. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 63(1), 49–58. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58> (In Russ.)
- Kondratyev, V., Popov, V. & Kedrova, G. (2020). Global Value Chains Transformation: Three Industries' Cases. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, 64(3), 68–79. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-3-68-79> (In Russ.)
- Koopman, R., Zhi, W. & Wei, S.-J. (2014). Tracing Value-added and Double Counting in Gross Exports. *The American Economic Review*, 104(2), 459–494. DOI: 10.1257/aer.104.2.459
- Koval, A.G. & Navrotskaya, N.A. (2020). Perspectives for the development of global value chains in China and Russia. In: I. A. Korgun, S. F. Sutyurin (Eds.), *Torgovaya politika Rossii i stran Vostochnoy Azii: poisk putey dlya vzaimovыgodnogo sotrudnichestva [Trade policy in Russia and East Asia: new avenues for economic cooperation and prosperity]*. Moscow: IE RAS. (In Russ.)
- Lake, D. A. (2018). Economic Openness and Great Power Competition: Lessons for China and the United States. *Chinese Journal of International Politics*, 11(3), 237–270. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/poy010>
- Los, B., Timmer, M. & de Vries, G. (2015). How global are global value chains? A new approach to measure international fragmentation. *Journal of Regional Science*, 55(1), 66–92. DOI: <https://doi.org/10.1111/jors.12121>
- Miroudot, S. (2020). The Reorganization of Global Value Chains in East Asia before and after COVID-19. *East Asian Economic Review*, 24(4), 389–416. DOI: <https://dx.doi.org/10.11644/IEP.EAER.2020.24.4.385>
- Stehrer, R. (2012). *Trade in Value Added and the Valued Added in Trade*. WIIW Working Papers 81, The Vienna Institute for International Economic Studies.
- Taglioni, D. & Winkler, D. (2016). *Making Global Value Chains Work for Development*. Washington: The World Bank Group.
- Timmer, M. P., Erumban, A. A., Los B., Stehrer, R. & de Vries, G. (2014). Slicing Up Global Value Chains. *Journal of Economic Perspectives*, 28(2), 99–118. DOI: 10.1257/jep.28.2.99
- Tran, H. T. T. & Hoang, H. T. (2019). An Investigation into the Impacts of FDI, Domestic Investment Capital, Human Resources, and Trained Workers on Economic Growth in Vietnam. In: V. Kreinovich, N. Thach, N. Trung, D. Van Thanh (Eds.), *Beyond Traditional Probabilistic Methods in Economics. ECONVN 2019* (pp. 940–951). Studies in Computational Intelligence, Springer, vol 809. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-04200-4_69

Информация об авторе

Ирина Александровна Коргун — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, и.о. завцентра российской стратегии в Азии, ИЭ РАН; Scopus AuthorID: 57195035805, <https://orcid.org/0000-0002-1496-4375> (Нахимовский проспект 32, Москва, Российская Федерация, e-mail: irinakorgun@yandex.ru).

About the author

Irina A. Korgun — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Associate, Acting Director of the Center for Russia's Strategy in Asia, Institute of Economics of RAS; Scopus Author ID: 57195035805, <https://orcid.org/0000-0002-1496-4375> (32, Nakhimovsky Ave., Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: irinakorgun@yandex.ru).

Дата поступления рукописи: 25.10.2021.

Прошла рецензирование: 17.12.2021.

Принято решение о публикации: 24.03.2023.

Received: 25 Oct 2021.

Reviewed: 17 Dec 2021.

Accepted: 24 Mar 2023.